

Палачи из польских Травников*

Aleksandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

The Executioners from Polish Trawniki

DOI: 10.31857/S086956870010161-8

23—25 июля 1944 г. советские войска освободили Люблин и прилегающие районы Восточной Польши, в том числе и город Травники, на окраине которого находился учебный лагерь СС. Наступление Красной армии было столь стремительным, что в её руки попали многочисленные лагерные документы, включая картотеку с примерно 5 тыс. фамилий, «курсантов». В Травниках готовились вахманы СС — охранники концентрационных лагерей и лагерей смерти, набравшиеся в основном из военнопленных (с. 11). Травниковцы поражали даже опытных офицеров СМЕРШ какой-то особенной неправдоподобной жестокостью. Многие из них служили в Треблинке, ставшей, по словам В.С. Гроссмана, «главной плахой СС»¹. Следственные действия, начавшиеся ещё летом 1944 г., продолжались до 1987 г., всего за это время в СССР прошло не менее 140 процессов над травниковцами (с. 12).

В обстоятельной монографии крупного израильского историка, уроженца Советского Союза Арона Ильича Шнеера, посвящённой учебному лагерю СС в Травниках, предпринята попытка создать коллективный портрет обучавшихся там палачей, многие из которых гордились

своей службой в караульных отрядах СС². В предисловии автор признаёт, что «эмоциональное и нравственное отношение историка к исследуемой проблеме, к совершённом человеку, особенно когда речь идёт о военных годах, так или иначе проявляется в стиле языка и в рассуждениях самого историка». Более того, «он, как и все, не лишён эмоций, его политические и личные симпатии или антипатии в большей или меньшей степени заметны в его работе. Однако важно, чтобы в своих выводах, давая оценку какому-либо факту или личности, историк не уподоблялся только прокурору, а пытался объяснить причины тех или иных событий, мотивы поведения их участников. Историк должен сочетать в себе почти несовместимые функции следователя, прокурора и адвоката. Поэтому историк не восстанавливает справедливость, однако может говорить о моральной ответственности» (с. 5—6). Вместе с тем Шнеер доверяет читателю и его способности к сопереживанию. Свою работу он воспринимает «не как сухой научный труд, а как трагедию» (с. 7).

При этом в основе его исследования лежат многочисленные документы из архивов России, Украины, Польши, прибалтийских стран. Это

* Шнеер А.И. Профессия — смерть. М.: Пятый Рим, 2019. 464 с., ил.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.».

This research was supported by the «Russian Science Foundation», project No. № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries».

материалы спецслужб, органов следствия и судебных процессов над травниковцами. Ядром монографии стали собрания Яд Вашем — уникальные израильского мемориала Катастрофы и героизма, где Шнеер занимался 26 лет.

Книга примечательна тем, что в ней подробно прослеживается история существования специального учебного центра СС, первоначально предназначавшегося для подготовки тех, кто в соответствии с планом ОСТ должен был служить на завоёванных Германией восточных территориях. Для обеспечения порядка на этих землях, где Гитлер намеревался создать немецкие колонии, требовались подразделения специально подготовленных охранников. Но поскольку ход войны не позволил осуществить эти замыслы, вахманов стали использовать для охраны еврейских гетто и выполнения повседневной «чёрной работы» в лагерях смерти и концлагерях от Австрии до Эстонии включительно (с. 189).

Шнеер раскрывает причины создания лагеря, характеризует его структуру и командный состав, описывает практику и критерии отбора советских военнопленных для обучения, указывает социальный и национальный состав курсантов, среди которых преобладали украинцы. Программа подготовки и учебный процесс в Травниках включали «практику» в соседнем концлагере вплоть до «выпускного экзамена — крещения кровью» — показательного расстрела одного из заключённых (с. 204—272). Как вспоминал позднее травниковец Николай Скороход, «немцы заставляли расстреливать людей, чтобы запачкав руки вахманов в крови, гарантировать их преданность» (с. 272). Курсантов, пытавшихся уйти к партизанам, ловили и живыми бросали в костёр — остальные должны были

увидеть, что пути назад у них нет (с. 392—393). Эта безысходность зачастую ожесточала, и в книге Шнеера приводятся леденящие души подробности расправ охранников с заключёнными, о чём впервые писал ещё Гроссман (с. 422—436).

Три поколения сотрудников советских спецслужб — от СМЕРШ до КГБ, десятилетиями вели упорную работу по поиску и разоблачению нацистских пособников (с. 19). По мнению автора монографии, пресловутая послевоенная «фильтрация бывших военнопленных и советских граждан, освобождённых Красной армией, была необходима», а «государство имело право проверять и не доверять», поскольку «в сборно-пересылочных и проверочно-фильтрационных пунктах, а затем и в спецлагерях, кроме обычных военнопленных и оstarбайтеров... оказались и различные пособники нацистов», включая и тех, кто обучался в Травниках (с. 20—21).

Разумеется, нацистские пособники, стараясь избежать сурового возмездия, прибегали ко всевозможным ухищрениям. Как пишет Шнеер, «таких историй на самом деле тысячи» (с. 23). Уделяя особое внимание юридическим и процессуальным особенностям многочисленных процессов над травниковцами, исследователь отмечает, что «в них речь шла о преступлениях, совершённых не только против одной личности, а против сотен тысяч и миллионов людей», которые «не могли говорить, молчали, став пеплом, рассеянным на территории лагерей смерти и их окрестности» (с. 75). Против вахманов свидетельствовали чудом выжившие участники восстаний в Треблинке и Собиборе, узники Освенцима, Майданека и других лагерей. Однако важнейшим доказательством их преступлений являлись немецкие документы (с. 75). Уже в сентябре 1945 г. в материалах след-

ствия появится не употреблявшийся прежде термин «лагерь смерти». При этом обвиняемые и не думали скрывать, что в Трехлинку поступали лишь заключённые-евреи (с. 89—90). Хотя «ни один из травниковцев не мог чувствовать себя в безопасности на территории СССР» (с. 52), далеко не всегда им грозила смертная казнь. С мая 1947 по январь 1950 г. в СССР она не применялась, и «благодаря этим изменениям избежали заслуженной кары ещё тысячи коллаборантов — настоящих убийц и садистов» (с. 53), которых приговаривали к лишению свободы на 25 лет (с. 58—59).

Заканчивая книгу, А.И. Шнер констатировал: «Все травниковцы были обычными людьми разных профессий, разного образования. Никто из них не родился убийцей, предателем. Ничто из их довоенной жизни не

превращало их в нелюдей. Многие из них честно, порой мужественно сражались с врагом. Вовсе не все добровольно сдались в плен... Но, сделав первый шаг по пути предательства, остановиться было почти невозможно. Травниковцы сделали своей профессией смерть. Они стали орудием выполнения истребительных планов, политики и идеологии нацистской Германии, приговор которой был вынесен в Нюрнберге. Понять трагедию травниковцев, которые сами были жертвами, но стали палачами, вовсе не значит простить» (с. 436).

Примечания

¹ Гроссман В.С. Трехлинский ад // Годы войны. М., 1946. С. 410.

² См. также: Пленков О.Ю. Тайны Третьего рейха. Спартакс Гитлера. М., 2010. С. 134.

Равиля Хисамутдинова

Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1943—1945: документы и материалы / Отв. сост. В.Д. Селеменев; отв. ред. В.И. Кураш. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2018. 648 с.

Ravilya Khisamutdinova

(Orenburg State Pedagogical University, Russia)

Vosstanovleniie sel'skogo khoziaystva Belarusi: 1943—1945: dokumenty i materialy. Minsk, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010162-9

В связи с 75-летием освобождения территории Беларуси от оккупантов сотрудники архивов в рамках Соглашения между Федеральной архивной службой России и Комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, заключённого 21 февраля 1997 г., подготовили публикацию документов о восстановлении сельского хозяйства Белорусской ССР в 1943—1945 гг. До выхода этого сборника совместными усилиями архивистов двух стран был подготов-

лен и издан ряд изданий, посвящённых актуальным проблемам истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: «Белорусы в советском тылу», «Возрождённый из руин. Восстановление и развитие Минска в 1944—1955 гг.». На страницах нового сборника слово вновь предоставляется документам, чтобы на их основе воссоздать наиболее приближённую к реальности печальную картину состояния сельского хозяйства БССР после окончания боевых действий и